

**Обоснование
культурно-семиотического подхода к истории
в философии Эрнста Кассирера***

И. В. Дёмин

САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА

Аннотация. Анализируются взгляды Эрнста Кассирера на природу историописания и специфику исторического познания. Выявляются общефилософские предпосылки культурно-семиотического подхода к истории. Проводятся параллели с трактовками истории в философских концепциях Риккерта и Гадамера. Историописание рассматривается Кассирером в качестве инструмента исследования человеческой природы и формы самопознания. Ключевую роль в культурно-семиотической концепции Кассирера занимает переосмысление понятия исторического факта. Исторический факт, в отличие от факта естественнонаучного, является не отправной точкой, но результатом работы исследователя. Исторический факт конструируется в процессе интерпретации и переинтерпретации исторических ис-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-13-63001 «Философские основания семиотики истории» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2017 г.).

Дёмин И. В. Обоснование культурно-семиотического подхода к истории в философии Эрнста Кассирера // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 256–269.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 2
© И. В. Дёмин, 2017

точников и всегда является ответом на поставленный историком вопрос. Деятельность историка имеет больше общего с деятельностью филолога и лингвиста, нежели естествоиспытателя. Принципиальное отличие исторического познания от естественнонаучного, согласно Кассиреру, заключается не в способе образования научных понятий, а в самой природе исторического факта. Кассирер обосновал тезис о знаково-символической природе исторического универсума, предвосхитив ключевые идеи постметафизической лингвистически ориентированной философии истории второй половины XX в.

Ключевые слова: семиотика, история, семиотика истории, философия истории, философия символических форм, Кассирер.

УДК 930.1

Контактная информация: Дёмин Илья Вячеславович, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева (Московское шоссе, 34, Самара, 443086, Россия, ilyadem83@yandex.ru)

Социально-гуманитарные науки в XX в. развивались во многом под влиянием семиотики и философии языка. Историю социально-гуманитарных дисциплин невозможно отделить от истории семиотики и лингвистически ориентированной философии. В последние десятилетия семиотический подход получает все большее распространение и в исторических исследованиях. Однако философские основания, концептуальные рамки и эвристический потенциал этого подхода до сих пор остаются не проясненными. Терминология и отдельные методологические приемы, разработанные в семиотической литературе, часто применяются некритически, эклектично совмещаясь с традиционными методами исторического познания. Эвристические возможности и методологические границы применения семиотического подхода в познании исторического прошлого в современной исследовательской литературе еще не подвергались систематическому изучению и уточнению.

Наряду с лингвистикой и литературоведением историописание является той областью познания, в которой базовые презумпции семиотики находят наиболее полное воплощение. Однако если в области языкознания и литературоведения использование семиотической терминологии и методологии имеет давнюю историю, то в теории и методологии исторического познания практически отсутствуют исследования семиотической направленности.

Эрнст Кассирер является одним из родоначальников семиотического подхода к пониманию истории. В работах «Философия символических форм» и «Опыт о человеке» он раскрывает знаково-символическую при-

роду исторического источника и по-новому решает некоторые ключевые вопросы философии и методологии истории (о специфике исторического познания, об исторической объективности и исторической истине и т. д.). Однако этим значение его работ для постметафизической философии истории не исчерпывается. Кассирер переносит вопрос об истории из области спекулятивной философии в сферу семиотически ориентированной философии культуры, во многом предвосхищая исследования Р. Дж. Коллингвуда, Г.-Г. Гадамера, Х. Уайта, А. Данто, Ф. Анкерсмита. С именем Эрнста Кассирера связан окончательный переход от классической (метафизической) философии истории к постметафизической.

Кассирер принимает исходные установки и антиметафизическую направленность кантовского и неокантианского критицизма. Дуализм бытия и становления, неизменного и изменчивого в контексте кантовской критической философии, как известно, приобретает *логический*, а не онтологический (метафизический) смысл: «Мы уже не говорим более о двух мирах – абсолютно изменчивом и абсолютно неизменном. Субстанция и изменение рассматриваются не как различные *области* бытия, а как категории – условия и предпосылки нашего эмпирического знания» [Кассирер, 1998, с. 644]¹ (курсив Кассирера. – *И. Д.*). При этом подчеркивается, что неправомерно отождествлять мир природы с неизменным «бытием», а мир истории рассматривать исключительно как область «становления». Историческая реальность не может быть истолкована в терминах одних лишь изменений, но всегда предполагает также неизменный, «субстанциальный» элемент. В этой связи известное высказывание Ортеги-и-Гассета («Человек не имеет природы, все, что он имеет – это история» [1997, с. 467]) перефразируется Кассирером так: «Человек имеет историю как раз потому, что имеет природу» (с. 644). И действительно, история (историописание) невозможна без допущений относительно сущности человека, государства, искусства и т. д. Кассирер дистанцируется не только от субстанциализма классической философии, но и от антисубстанциализма, последовательно отстаивая установку кантовского критицизма, суть которой сводится к воздержанию от высказываний о реальности «самой по себе».

Разделяя исходные презумпции кантовского критицизма, Кассирер переносит акцент с критики разума на критику культуры: «Задача критики познания расширяется <...> до задачи критики культуры» [Свасьян, 1989, с. 72]. Философия, согласно Кассиреру, возможна лишь как философия (критика) культуры, а последняя предстает в качестве «философии символических форм»: «Если культура выражается в творении идеальных образных миров, определенных символических форм, то цель философии заключается не в возвращении к тому, что было до них, а в том, чтобы по-

---

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

нять и осмыслить их фундаментальный формообразующий принцип» [Кассирер, 2002а, с. 47]. Под «символической формой» Кассирер понимает «всякую энергию духа, через которую некое духовное смысловое содержание связывается с конкретным чувственным знаком и внутренне присваивается этому знаку» [Кассирер, 2000, с. 394]. Философия культуры как философия символических форм фактически приобретает статус «первой философии» [Кун, 2000, с. 616].

Попытку выйти за пределы культуры и философии культуры, постичь действительность «саму по себе», вне ее символических форм, Кассирер квалифицирует как «мистицизм». Вопрос о том, есть ли реальность сама по себе (вне символического универсума культуры) и какова эта реальность, не может быть поставлен в контексте критической философии.

Наиболее фундаментальной философской предпосылкой рассуждений Кассирера об истории, историческом познании и историческом факте выступает принцип тождества исторического бытия и исторического сознания. Данный принцип в той или иной интерпретации разделяли такие философы, как Гегель, Дильтей, Кроче, Карсавин, Коллингвуд, Гадамер. Во всех случаях в качестве исходного принимается тезис о том, что история (исторический процесс) не есть нечто самодостаточное по отношению к историческому сознанию субъекта, но является одним из проявлений актуальной жизни духа / человеческой культуры. Следуя такому пониманию истории, Кассирер подчеркивает, что «историческое мышление – это не воспроизведение, а, напротив, сам действительный исторический процесс» (с. 657). Обращение к истории проистекает не из праздного любопытства, но представляет собой одно из сущностных проявлений жизни человека и культуры.

Трактовка исторического факта и историописания у Кассирера определяется критическим дистанцированием от двух методологических установок, которые были характерны для исторической науки и философии истории второй половины XIX – начала XX в. Речь идет о *натурализме* и *психологизме*. В качестве примеров натурализма и психологизма в историческом познании Кассирер приводит концепции Ипполита Тэна и Карла Лампрехта. При этом психологизм (сведение истории к психологии) можно рассматривать как одну из версий натурализма, понятого в широком смысле слова. В этом вопросе Кассирер продолжает линию Риккерта, который стремился обосновать автономию исторического познания, его несводимость к познанию естественнонаучному [Риккерт, 1998]. Однако, разделяя исходную установку Риккерта, Кассирер предлагает иной вариант решения проблемы специфики исторического познания [Лосев, 1998; Вейнмейстер, 2013].

Наряду с критикой натурализма одним из определяющих мотивов философско-исторических изысканий Кассирера становится стремление отмежеваться от философии истории спекулятивного типа. Теория истории,

согласно Кассиреру, должна разрабатываться в контексте философии культуры как «философии символических форм». Семиотически ориентированная философия истории не нуждается в рассмотрении традиционных вопросов спекулятивной философии истории (о смысле и цели истории, о факторах и «движущих силах» исторического развития и т. д.), она ставит перед собой гораздо более простую и скромную задачу: «пытается определить место исторического знания в организме человеческой цивилизации» (с. 682). В этой связи на первый план выходят вопросы о специфике исторического факта, основаниях отбора фактов и способах их интерпретации.

История (историописание) наряду с искусством рассматривается Кассирером в качестве мощного инструмента исследования человеческой природы, «органа нашего самопознания», и «необходимого инструмента построения нашей человеческой Вселенной» (с. 683). Тезис о том, что историческое познание по своей сути есть самопознание, является едва ли не общепринятым в литературе по философии и методологии истории [Демин, 2015], однако у Кассирера данная мысль получает новое, не вполне привычное звучание. Речь идет не о том, что историческое знание позволяет нам глубже проникнуть в некую изначально данную «природу» человека (безотносительно того, как мы ее понимаем), но о том, что человек живет не в физической, но в символической вселенной и сам является «символическим животным» [Вейнмейстер, 2012; Демидова, 2007]. Другими словами, «сущность» человека усматривается не в той или иной его характеристике (разумность, социальность и т. д.), но в его способности создавать, понимать и интерпретировать символы культуры. Историописание – это одна из тех областей, где символическая природа человеческого существа проявляется с наибольшей отчетливостью.

Важное место в культурно-семиотической концепции Кассирера занимает переосмысление понятия исторического факта. Специфику исторического познания по сравнению с естествознанием традиционно усматривали либо в онтологическом статусе его объекта (Дильтей), либо в особой логике образования понятий и индивидуализирующем, идеографическом методе, в способах объяснения и описания исторических событий (Риккерт, Виндельбанд). Кассирер одним из первых обратил внимание на фундаментальное различие между историческим и естественнонаучным фактом, выявил семиотическую природу исторического источника.

История (историописание), как и естествознание, начинается с фактов, и в этом смысле факты – «не только начало, но и цель, альфа и омега всего исторического знания» (с. 646). Однако процедуры установления фактов в истории и естествознании фундаментально различны. Естественнонаучный факт устанавливается посредством наблюдений и экспериментов. «Если физик сомневается в результатах эксперимента, он может повторить и уточнить его. Его объекты присутствуют в каждый данный момент

в готовности к ответам на его вопросы» (с. 647). Историк же такой возможности лишен, так как его факты принадлежат прошлому, а «прошлое ушло безвозвратно, его нельзя восстановить, нельзя побудить к новой жизни в простом физическом, объективном смысле» (с. 647). Отправная точка исторического познания – не эмпирическое наблюдение, а «идеальное воссоздание», реконструкция (с. 647). Историк *реконструирует* прошлое (тот или иной его фрагмент) на основании «следов» (источников), которые наличествуют в настоящем. Сам по себе этот тезис не является чем-то принципиально новым для философии истории и теории историописания. Новизна концепции Кассирера заключается в том, как именно трактуется историческая реконструкция.

Историк в отличие от естествоиспытателя не имеет непосредственного доступа к реальности прошлого, его задача – «вспомнить» прошлое, дать ему новое, идеальное существование. Всякий факт (как исторический, так и естественнонаучный) является ответом на поставленный исследователем вопрос. Однако предмет исторического познания в отличие от познания естественнонаучного недоступен непосредственному наблюдению, историк «не может стать лицом к лицу с самими событиями, не может проникнуть в формы прежней жизни» (с. 647).

Непосредственными объектами исторического познания выступают не вещи и события, а документы и артефакты, т. е. *исторические источники*. Исторический источник не является физическим объектом в привычном смысле этого слова. Исторический источник – это *знак*, или символ. «Только через посредство и вмешательство этих символических данных можно понять реальные исторические данные – события и людей прошлого» (с. 647–648). Первоочередная задача историка состоит в том, чтобы научиться понимать эти символы. Реконструкция событий прошлого осуществляется историком не иначе, как посредством понимания и интерпретации исторических источников – текстов и материальных артефактов. «В истории интерпретация символов предшествует собиранию фактов, а без такой интерпретации приблизиться к исторической истине нельзя» (с. 670). Историк, таким образом, имеет дело не с миром физических объектов, а с семиотическим универсумом культуры – миром символов.

Полемизируя с Генрихом Риккертом, Кассирер подчеркивает, что главное отличие исторического познания от естественнонаучного заключается не в логике (т. е. способе образования понятий), а в самой природе исторического факта. Задача раскрытия специфики исторического познания не решается посредством построения новой «логики истории», она достигается путем раскрытия знаково-символической природы исторического источника и исторического факта. «Историческая и естественнонаучная мысль, – отмечает Кассирер, – различимы не по их логической форме, а по их целям и содержанию. При описании этого различия недостаточно

сказать, что ученый имеет дело с объектами настоящего, а историк – с объектами прошлого: такое различие будет ошибочным» (с. 649). Не всякое познание прошлого можно считать *историческим* познанием. Так, историческая геология или палеонтология – это науки о прошлом, но это не *исторические* науки. Хотя предметом геологии и палеонтологии выступает прошлое (в том числе и *единичные* события прошлого), эти науки относятся к области *естествознания*, а так называемая естественная история не является историей в собственном смысле слова.

Возражая Риккерт, Кассирер пишет: «Геолог, описывающий разные состояния земли в различные геологические периоды, также сообщает о конкретных и уникальных событиях. Эти события неповторимы, их нельзя наблюдать в том же виде в другое время. В этом отношении описание геолога не отличается от исторического описания» (с. 661). Несмотря на это, никто не станет сомневаться в принципиальном отличии истории от геологии и других естественных наук.

Специфика исторического исследования, согласно Кассиреру, не в том, что его объектом является прошлое, и даже не в том, что оно нацелено на реконструкцию индивидуального (уникальных и неповторимых событий), а в том, что оно имеет дело с символическим универсумом человеческой культуры. Геолог и палеонтолог также реконструируют прошлое, однако историческое познание – это не только эмпирическая, но также *символическая* реконструкция. Для решения этой задачи историк может использовать естественнонаучные методы, но историописание никогда не сводится к процедуре установления и объяснения фактов на основе методов естествознания. «Нет ни одного объекта, свободного от законов природы. В этом смысле исторические объекты не представляют собой особой отдельной и самодостаточной реальности: они воплощены в виде физических объектов. Но, несмотря на такую воплощенность, они принадлежат, так сказать, более высоким сферам» (с. 649). То, что сообщает вещам и событиям специфически *исторический* смысл, неуловимо с помощью методов естествознания. Историческое значение источника не лежит на поверхности, оно должно быть раскрыто в процессе интерпретации. Раскрыть историческое значение того или иного текста / артефакта – значит поместить его в контекст символического универсума культуры, что предполагает использование специфической методологии и терминологического аппарата семиотики и семиотически ориентированной философии культуры.

Историк в отличие от геолога или палеонтолога «должен научиться читать и интерпретировать документы и памятники не только как мертвые остатки прошлого, но как его живые послания – послания, адресованные нам, но написанные на своем собственном языке» (с. 650). Это сближает деятельность историка с деятельностью лингвиста, филолога и литературоведа. Кассирер усматривает принципиальное сходство в работе историка

и филолога в том, что оба они – в ходе интерпретации – делают понятными тексты, написанные на ином, неизвестном (полностью или частично) нам языке. Историк, согласно Кассиреру, «гораздо более лингвист, чем естествоиспытатель» (с. 650), поскольку главная его задача заключается в расшифровке семиотического кода источника.

Исторический источник в контексте культурно-семиотической концепции Кассирера рассматривается в качестве послания / сообщения, адресованного нам, но написанного на неизвестном нам языке. Задача историка – расшифровка, декодирование этого сообщения, перевод текста с языка прошлого на язык настоящего. Историк выступает в роли *переводчика* с языка прошлого на язык настоящего. Такое понимание историописания предполагает, что историк делает всё то же, что и естествоиспытатель, изучающий прошлое, но историк делает также и нечто *сверх этого*.

Здесь становится отчетливо видно расхождение Кассирера с философско-исторической концепцией Риккерта. Если Риккерт полагал, что историк и естествоиспытатель имеют разные *познавательные цели* и руководствуются разными *методами* (точнее, разными логическими схемами), то Кассирер исходит из того, что историописание *включает* в себя естественнонаучную реконструкцию прошлого, но не исчерпывается ею. Культура (культурно-исторический мир) в концепции Кассирера – не особая область действительности, реально существующая наряду с миром природы, но это и не просто специфический предмет познания, конструируемый с помощью индивидуализирующего метода и отнесения к ценностям. Культура – это знаково-символический универсум, который не противостоит миру природы, изучаемому естествознанием, но в определенном смысле *включает* его в себя.

Рассмотрев вопрос о специфике исторического познания, Кассирер обращается к другой значимой методологической проблеме. Речь идет об основаниях отбора исторических фактов. Как осуществляется отбор исторических фактов, иначе говоря, какие факты прошлого заслуживают внимания историка, а какие нет?

Кассирер рассматривает два распространенных ответа на этот вопрос. Один из них был предложен Генрихом Риккертом, другой – Эдуардом Мейером. Риккерт полагал, что историк должен руководствоваться определенной системой формальных ценностей и использовать ее в процессе отбора фактов. Согласно Мейеру, факт становится исторически значимым, если он имеет существенные последствия для настоящего. Оба ответа представляются Кассиреру неполными и недостаточными. Дело в том, что исторический универсум – это универсум символический, в историческом познании «физически и практически малозначительное может иметь огромное семантическое значение» (с. 671). Кассирер подчеркивает, что исторические факты – это характерные факты, поскольку «в истории – и в истории народов, и в истории индивидов – мы вовсе не исследуем по-

ступки и действия сами по себе: в этих поступках усматривается выражение характера» (с. 671). Тот или иной факт биографии исторического деятеля может представляться незначительным с «объективистской» точки зрения, но он может оказаться весьма значимым для понимания личности этого деятеля, духа эпохи и т. д. Бесплезно поэтому спрашивать о том, какие «объективные», реальные последствия имело то или иное историческое событие, поскольку в мире истории всякое событие понимается и интерпретируется его современниками и потомками, и только в силу этого оно может иметь какое-либо значение и оказывать влияние на последующий ход событий. Способы и характер интерпретации событий и текстов, в свою очередь, зависят от типа культуры, господствующих культурных кодов.

Кассирер, вслед за Шлегелем, рассматривает историописание в качестве «пророчества, обращенного в прошлое». Пророчество о прошлом означает «разоблачение его тайной, скрытой жизни» (с. 651). Историческое знание – это знание о прошлом, которое нельзя экстраполировать в будущее, однако, как подчеркивает Кассирер, новое понимание прошлого открывает новую перспективу будущего, что, в свою очередь, становится стимулом интеллектуальной и социальной жизни.

В культурно-семиотической концепции Кассирера подчеркивается неразрывная связь исторического познания с контекстом / контекстами настоящего. Историческое знание представляет собой ответы на определенные вопросы, но сами вопросы порождены и продиктованы настоящим, современным культурным, интеллектуальным, мировоззренческим, социально-политическим контекстом.

Рассматривая вопрос о соотношении прошлого и настоящего и о месте исторического знания в контексте культуры и социального бытия, Кассирер обращается к концепциям Б. Кроче и Ф. Ницше, которые противоположным образом решали указанную проблему. Бенедетто Кроче отождествлял реальность как таковую с *исторической реальностью* и рассматривал всякое знание в качестве модификации исторического знания. В то же время всякая история рассматривалась Кроче как актуальная (современная) история. Такая позиция («абсолютный историзм») связана с утверждением приоритета «исторической» точки зрения и экспансией исторического метода на область естествознания. Фридрих Ницше, напротив, ставил вопрос о «пользе и вреде истории для жизни», о границах исторического метода и необходимости забвения и «неисторической» точки зрения [Дёмин, 2014].

Не принимая позицию абсолютного историзма Кроче, Кассирер в то же время выступает против искусственного разграничения «жизни действия» и «жизни мысли», которое негласно предполагается в философии Ницше [Соболева, 2001]. Осознание прошлого «должно дать более свободный взгляд на настоящее и усилить нашу ответственность перед буду-

шим» (с. 652). Необходимость исторического знания Кассирер связывает с тем, что «человек не может сформировать будущее, не зная условий настоящего и своей ограниченности прошлым» (с. 652). Ограниченность прошлым в данном случае – не досадная помеха, которую следует преодолеть, но горизонт нашего видения и понимания.

Специфика исторического познания и историописания демонстрируется Кассирером на материале истории философии. С одной стороны, невозможно написать историю философии без четкого представления о том, что такое философия (без понимания ее «сущности»), с другой стороны, само понятие философии меняется и пересматривается, а «факты философского прошлого учений и систем великих мыслителей не имеют никакого значения без их интерпретации» (с. 653). Это означает, что всякая история вообще и история философии в частности с неизбежностью переписывается в свете нового понимания настоящего и новых перспектив будущего, которые, в свою очередь, открываются благодаря новым интерпретациям прошлого.

Человек обладает историей и является носителем исторического сознания лишь потому, что ему присущ проективный способ существования, а будущее является открытым горизонтом возможностей. «“Историей”, – пишет Кассирер, – обладает только желающее и действующее, выходящее в будущее и определяющее его своей волей существо, познающее историю только потому, что постоянно ее производит» [Кассирер, 2002б, с. 144]. Процесс переинтерпретации (переписывания) истории никогда не останавливается: «Как только в познании возникает новое видение, новый взгляд на вещи, так мы должны пересматривать наши суждения» (с. 653). Важно подчеркнуть, что данный тезис относится не только к «истории идей», но к любой истории. Не только история философии или искусства переписывается и переинтерпретируется в свете нового понимания философии и искусства, но и история политических (и каких-либо иных) событий зависит от нашей концепции людей, которые в них вовлечены (с. 653). «Как только мы увидим индивидов в новом свете, мы должны изменить и наше понимание событий» (с. 655).

Предложенная Кассирером трактовка историописания имеет много общего с философской герменевтикой Гадамера, в которой также отвергается идеал «объективной», единственно верной интерпретации истории. Множественность интерпретаций одних и тех же исторических текстов и событий не является свидетельством ущербности исторического знания по сравнению с естественнонаучным, эта множественность имеет *позитивное* значение, является способом самопознания и самоосмысления человека и культуры.

Решающее значение для понимания специфики исторического познания имеет тот факт, что «сознание историка относится к своему объекту иначе, чем сознание физика или натуралиста» (с. 658). Исторический объ-

ект (будь то исторический текст или артефакт) не является чем-то самождественным и неизменным, его нельзя мыслить по аналогии с физическим объектом, который сохраняется и существует благодаря силе инерции. Физическая вещь «сохраняет свою природу, пока не изменяется или не разрушается действием внешних сил» (с. 658), совсем иначе обстоит дело с артефактами культуры. «Их реальное бытие не физическое, а символическое; такая реальность постоянно требует истолкования и переистолкования» (с. 658). Историческое как историческое не сохраняется в силу инерции, чтобы сохраниться, оно должно постоянно возобновляться и восстанавливаться, реконструироваться. Это достигается в процессе интерпретации и переинтерпретации исторических источников, текстов и артефактов прошлого.

Физические объекты сохраняют свое существование независимо от деятельности ученого, исторические же объекты обнаруживаются лишь в актах интерпретации, они существуют лишь до тех пор, пока о них помнят, причем «акт припоминания должен быть непрерывным и продолжающимся» (с. 658). Историк в отличие от естествоиспытателя не может просто наблюдать свои объекты, он должен их сохранять, удерживать в памяти и в бытии, всякий раз «оживлять» их в процессе интерпретации. «Чтобы овладеть миром культуры, нужно постоянно восстанавливать его в исторической памяти. Но удержание в памяти – не простой акт воспроизведения. Это новый интеллектуальный синтез – конструктивный акт» (с. 659). Быть для исторического объекта – значит быть удерживаемым в памяти. В этом смысле историописание неотделимо от постоянного усилия удержания в памяти и возобновления в бытии того, чему всякий раз угрожает опасность забвения и исчезновения (не только физического, но в первую очередь *символического*).

Такая трактовка исторического объекта как «удерживаемого в памяти» и нуждающегося в возобновлении, а истории – как всякий раз переписываемой и переинтерпретируемой позволяет Кассиреру по-новому поставить традиционный вопрос об объективности исторического знания. Та форма объективности, которая может быть присуща истории, не имеет ничего общего с идеалом классического естествознания, ориентированного на последовательное устранение «антропологических» элементов из результатов познания.

Идеал естественнонаучной объективности выражается формулой: «чтобы изучать природу, открывать и формулировать законы природы, мы должны забыть человека» (с. 665). В отличие от естествознания история по самой своей природе антропоморфна и «антропологична». История «может жить и дышать только в человеческом мире» (с. 665), она является формой самопознания человека, а не просто знанием внешних фактов или событий. Тезис о сущностной антропоморфности истории не означает, что приоритетное значение для историка имеет индивидуальное Я. Историче-

ское сознание антропоморфно, но совсем не обязательно эгоцентрично. Суть исторического сознания Кассирер выражает с помощью парадоксальной формулы: история стремится к «объективному антропоморфизму» (с. 665).

Подведем итог. Своеобразие философско-исторической концепции Кассирера связано с новым ракурсом рассмотрения традиционных вопросов философии истории и методологии исторического познания. В центре внимания Кассирера не вопрос о том, что представляет собой исторический процесс и даже не вопрос о том, как возможно объективное историческое знание, решающее значение в его концепции приобретает вопрос о специфике историописания как формы самопознания человека. Кассирер обосновал тезис о знаково-символической природе исторического универсума, предвосхитив тем самым ключевые идеи постметафизической лингвистически ориентированной философии истории второй половины XX в.

Список литературы

Вейнмейстер А. В. Концепции символической интерпретации культуры (Э. Кассирер, А. Ф. Лосев). СПб., 2012. 167 с.

Вейнмейстер А. В. Эрнст Кассирер – неокантианец? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30), ч. 3. С. 32–35.

Демидова М. В. Человек как «Animal Symbolicum» в философии культуры Э. Кассирера: историко-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. 175 с.

Дёмин И. В. Ф. Ницше и постметафизическая философия истории // Клио. 2014. № 6 (60). С. 3–7.

Дёмин И. В. Обоснование методологии исторического познания в метафизике всеединства Л. П. Карсавина // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 3–4. С. 87–94.

Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 440–722.

Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 654 с.

Кассирер Э. Философия символических форм. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002а. Т. 1. 272 с.

Кассирер Э. Философия символических форм. М.; СПб.: Университетская книга, 2002б. Т. 3: Феноменология познания. 398 с.

Кун Х. Философия культуры Эрнста Кассирера // Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 615–637.

Лосев А. Ф. Теория мифического мышления у Э. Кассирера // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 730–760.

Ортега-и-Гассет Х. Избр. тр. М.: Весь Мир, 1997. 704 с.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.

Свасьян К. А. Философия символических форм Э. Кассирера. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. 238 с.

Соболева М. Е. Философия символических форм Э. Кассирера. Генезис. Основные понятия. Контекст. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 152 с.

Article metadata

Title: Substantiation of the cultural-semiotic approach to history in Ernst Cassirer's philosophy

Author: I. V. Demin

Author's e-mail: ilyadem83@yandex.ru

Author affiliation: Samara State University

Abstract. In the article Ernst Cassirer's views on the nature of the historiography and the specifics of historical knowledge are analyzed. General philosophical prerequisites of the cultural-semiotic approach to history are revealed. Parallels with the interpretation of history in the philosophical concepts of Rickert and Gadamer are held. Historiography and storytelling in Cassirer's concept is a tool for studying human nature and a form of self-knowledge. The notion of a historical fact in Cassirer's philosophy of culture is understood in a new way. The historical fact, unlike the fact of the natural sciences, is not the starting point, but the result of the cognitive activity of the historian. The historical fact in the process of interpretation and reinterpretation of historical sources is constructed. The historical fact is always the answer to the historian's question. The activity of a historian with the activities of a philologist and linguist, rather than a naturalist, has similarities. The fundamental difference between historical knowledge and the natural sciences, according to Cassirer, is not in the way of the formation of scientific concepts, but in the very nature of historical fact is revealed. Ernst Cassirer the thesis about the symbolic nature of historical reality substantiated, he also the significant ideas of the post-metaphysical philosophy of history of the second half of the 20th century anticipated.

Keywords: semiotics, history, semiotics of history, philosophy of history, philosophy of symbolic forms, Cassirer.

Reference literature (in transliteration):

Vejnmejster A. V. Konceptii simvolicheskoi interpretacii kul'tury (Je. Kasserer, A. F. Losev) [The concept of symbolic interpretation of culture (E. Cassirer, A. F. Losev)]. SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet servisa i ekonomiki, 2012. 167 s.

Vejnmejster A. V. Jernst Kassirer – neokantianec? [Ernst Cassirer is a neo-Kantian?] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 4 (30). Ch. III. S. 32–35.

Demidova M. V. Chelovek kak "Animal Symbolicum" v filosofii kul'tury Je. Kassirera: istoriko-filosofskij analiz [Man as "Animal Symbolicum" in Cassirer's Philosophy of Culture: Historical and Philosophical Analysis]. Diss. ... kand. filos. nauk. Saratov, 2007. 175 s.

Djomin I. V. Obosnovanie metodologii istoricheskogo poznanija v metafizike vseedinstva L. P. Karsavina [The substantiation of the methodology of historical knowledge in Karsavin's metaphysics of the unity] // Aspirantskij vestnik Povolzh'ja. 2015. № 3–4. S. 87–94.

Djomin I. V. F. Nicshe i postmetafizicheskaja filosofija istorii [Nietzsche and the post-metaphysical philosophy of history] // Klio. 2014. № 6 (60). S. 3–7.

Kassirer Je. Izbrannoe: Individ i kosmos [Selected: Individual and space]. M.; SPb.: Universitetskaja kniga, 2000. 654 s.

Kassirer Je. Opyt o cheloveke. Vvedenie v filosofiju chelovecheskoj kul'tury [Experience about a person. Introduction to the philosophy of human culture] // Kassirer Je. Izbrannoe. Opyt o cheloveke. M.: Gardariki, 1998. S. 440–722.

Kassirer Je. Filosofija simvolicheskikh form [Philosophy of symbolic forms]. T. 1. Jazyk. M.; SPb.: Universitetskaja kniga, 2002a. 272 s.

Kassirer Je. Filosofija simvolicheskikh form [Philosophy of symbolic forms]. T. 3. Fenomenologija poznanija. M.; SPb.: Universitetskaja kniga, 2002b. 398 s.

Kun H. Filosofija kul'tury Jernsta Kassirera [Ernst Cassirer's philosophy of culture] // Kassirer Je. Izbrannoe: Individ i kosmos. M.; SPb.: Universitetskaja kniga, 2000. S. 615–637.

Losev A. F. Teorija mificheskogo myshlenija u Je. Kassirera [Cassirer's theory of mythical thinking] // Kassirer Je. Izbrannoe. Opyt o cheloveke. M.: Gardariki, 1998. S. 730–760.

Ortega-i-Gasset X. Izbrannye trudy [Selected Works]. M.: Ves' Mir, 1997. 704 s.

Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture [The sciences of nature and the science of culture]. M.: Respublika, 1998. 413 s.

Svas'jan K. A. Filosofija simvolicheskikh form Je. Kassirera [Cassirer's philosophy of the symbolic forms]. Erevan: AN ArmSSR, 1989. 238 s.

Soboleva M. E. Filosofija simvolicheskikh form Je. Kassirera. Genesis. Osnovnye ponjatija. Kontekst [Cassirer's philosophy of the symbolic forms. Genesis. Basic concepts. Context]. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2001. 152 s.